

УДК 343.9.01

В. Н. Дрёмин

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Тесная связь преступных проявлений с социальными факторами показывает, что преступность следует рассматривать как особого рода социальную активность, разновидность массовой социальной практики, проявляющейся в преступном поведении в определенной социокультурной среде. Общеизвестно, что социальные практики являются базой, на которой строится общество. На их основе формируются социальные институты как взаимосвязанные наборы социальных практик с особым предметным характером деятельности, новым социальным статусом [1].

Разновидностью социальной практики, специфического социального опыта, проявляющегося в поведении, запрещенном уголовным законом, является криминальная практика. Криминальная практика, являющаяся одним из видов противоправных (по терминологии социологов — неправовых) практик, в своей основе приобрела черты конкретной предметной деятельности, проявляющейся в совершении таких деяний, которые в данное время и в данном социокультурном пространстве запрещены уголовным законом. Ведущие российские социологи Т. И. Заславская и М. А. Шабанова пишут, что «неправовые взаимодействия не просто широко распространены в современном трансформационном процессе в России: идет активный процесс их институционализации, т.е. превращения в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормой (привычным образцом) поведения акторов самых разных уровней и постепенно интернализуется ими. Противоречия и несоответствия в институциональной системе реформируемого общества, выступая важным источником неправовых практик, постепенно втягивают неправовые практики в свою орбиту, делая элементом институциональной системы. В свою очередь, неправовые практики сегодня выступают мощным ба-

рьером для институционализации провозглашенных в ходе реформ либерально-демократических прав» [2].

Глобализация преступности, возрастание её организованности, высокий уровень латентности дают основание говорить о том, что в настоящее время происходит формирование отдельных видов криминальных практик как социальных институтов. О том, что криминальные практики приобретают характер самостоятельного, выполняющего специфические функции социального института, свидетельствует не только уголовно-правовая статистика, подтверждающая наличие таких практик, но и формирование особых субкультурных норм, правил поведения, традиций и специфических коллективных отношений. В теоретическом и практическом плане важно как осознание происходящих процессов в криминальной среде, так и их системное изучение в целях сдерживания влияния преступности на общество. Решение данной задачи, на наш взгляд, связано с формированием и развитием относительно нового направления в криминологии, которое мы называем криминологическим институционализмом.

Термин «институт» имеет много значений. В европейские языки он пришел из латинского (от *institutum* — установление, устройство). Как научное направление институционализм возник в начале XX в. в США. Методология институционалистов предусматривала не только широкое использование описательно-статистического и историко-генетического методов, но и категорию института, понимаемого как совокупность правовых норм, обычаев, привычек [3].

В советской социологической литературе до начала 70-х годов XX столетия термин «социальный институт» практически отсутствовал, а институциональный анализ относили к прерогативам буржуазной методологии. Во второй половине двадцатого века советские ученые стали использовать институциональный анализ при изучении экономики, науки, культуры. Но лишь в 90-е годы российские и отечественные социологи стали широко обсуждать проблемы формирования неправовых практик и их трансформацию в устойчивые социальные институты [4].

В советской криминологии институциональный подход в изучении преступности в его современной интерпретации не применялся, хотя определенный интерес к социальным институтам присутствовал всегда. Известный российский криминолог профессор А. М. Яковлев уже в 1985 г. уделил социальным институтам серьезное внимание в книге «Теория криминологии и социальная практика» [5], развив концепцию в монографиях «Социология экономической преступности» (1988) [6], «Социология преступности (криминология): Основы общей теории» (2001) [7] и других трудах. А. М. Яковлев рассматривает социальный институт как определенную организацию социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемую посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему предопределены

содержанием решаемой социальным институтом определенной задачи [7, с. 58–59].

В Украине институциональная теория в криминологических исследованиях фактически не используется. Термин «институционализация» чаще всего применяется в контексте определенного научного направления. Необходимость институционализации специально-криминологических теорий на основе изучения теневой экономики обосновывал профессор В. М. Попович [8, с. 47–48]. Об экономической преступности как социальной аномалии, исследование которой наиболее результативно может быть осуществлено методологией институциональной теории, пишет также украинский ученый С. А. Гриценко [9]. Проблеме социальных институтов уделяет внимание украинский социолог И. П. Рущенко в рамках «социологии преступности» [10].

Более широкий контекст этой проблемы отражает взгляд профессора В. А. Тулякова, который писал, что преступное поведение в условиях «аномического» общества воспринимается не просто как нормальное явление, но и способствует становлению преступности как самостоятельного социального института, имеющего свои функции, тенденции, характеристики, свойства [11]. Весьма дискуссионная точка зрения, с которой трудно согласиться, так как преступность в целом, во всем своем качественном многообразии, не может быть охарактеризована как единый социальный институт и фактически не является таковым. Причиной этого является не только разнохарактерность криминальных практик (убийства, компьютерные преступления, воинские преступления т.п.), но и существенные различия в законодательной регламентации противоправного поведения.

О процессах институционализации криминологической науки в контексте криминализации общества и расширения сферы влияния преступности писали также О. М. Джужа, В. В. Василевич, А. В. Кирилюк [12]. С позиций системного анализа механизм институционализации преступности исследовал автор данной статьи [13].

В последние годы институциональная методология изучения преступности получает все большее распространение [14]. В России институциональный подход к изучению преступности, в первую очередь, экономической, применяют Ю. В. Андриенко, П. А. Бараева, С. Ю. Барсукова, В. В. Волков, Л. В. Гевелинг, Г. И. Гишинский, С. П. Глинкина, А. И. Гуров, Т. Г. Долгопятова, В. М. Есипов, В. О. Исправников, В. В. Колесников, А. А. Крылов, Т. И. Корягина, И. М. Клямкин, Л. Я. Косалс, В. Д. Ларичев, Ю. В. Латов, В. С. Овчинский, А. Н. Олейник, О. В. Осипенко, В. В. Радаев, Р. И. Рывкина, Г. А. Сатаров, Л. М. Тимофеев, В. М. Полтерович, В. Л. Тамбовцев и многие другие известные ученые.

«Преступления причиняют вред, но они порождаются и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья», — замечает Я. И. Гишинский [15, с. 110]. Преступность Я. И. Гишинский рассматривает как «соци-

альный конструкт, институционализированный в уголовном законе, создаваемый властью в целях защиты, прежде всего, своих интересов от возможных покушений на них; объективно этот конструкт в некоторой степени служит и защите интересов общества» [16].

Известный российский криминолог-экономист В. В. Колесников, который одним из первых применил институциональный подход в изучении теневой экономики, пишет: «Отечественные криминологи давно озабочены поиском новых, «свежих» подходов к противодействию преступности. Преодолеть узость рамок традиционных концепций может, видимо, позволить использование научного инструментария институциональной теории» [17].

В. В. Колесников убедительно доказывает, что изучение явлений, сложно и многообразно связанных с организованной и экономической преступностью, преступным миром и экономикой, криминализацией экономической системы и иными феноменами, постепенно начинает выходить и на более интегрированный уровень, когда объектом криминологического анализа становится криминальная экономика как определенное системно-институциональное образование [18]. Интенсивный процесс сращивания экономики и преступности, распространение криминального экономического поведения и его превращение в доминирующую модель взаимоотношений экономических агентов в границах формируемого рынка, утверждение коррупционной модели взаимоотношений власти и бизнеса, «теневых» норм экономической деятельности и морали, криминальной психологии и иные сопутствующие обстоятельства привели к формированию специфического институционального образования, называемого криминальной экономикой [18]. Поскольку криминальная экономика обладает многими признаками рыночной системы (системы функциональной и институциональной), то в отношении нее, полагает В. В. Колесников, вполне закономерным будет использование известных методов изучения экономических процессов и явлений, а также институциональных образований, характерных для легального национального хозяйства рыночного типа [18].

Предпринятое Ю. В. Латовым исследование теневой экономики также основано на трактовке ее как института (комплекса институтов), являющегося органическим компонентом хозяйственной жизни [19; 20]. Ю. В. Латов в качестве цели своих исследований назвал «раскрытие функций теневых экономических отношений в институциональном развитии общества — как деструктивных (негативных), так и конструктивных (позитивных), — а также в формулировании принципов эффективного противодействия теневой экономике, которое становится возможным только на основе полного учета этих обеих функций теневой хозяйственной деятельности [21, с. 9]. Теневая экономика рассматривается им как функционально значимый структурный элемент системы экономических институтов. Ю. В. Латов подчеркивает, что в своих исследованиях он широко использовал «институциональную парадигму, которая рас-

смачивает социально-экономическое развитие как поиск более эффективных «правил игры». По мнению Ю. В. Латова, все сегменты теневой экономики независимо от того, насколько сильно или слабо они связаны с легальной экономикой, являются органическими элементами институциональной системы, образуя одну из ее подсистем. В развитии общества теневая экономика играет тройную роль — она является одновременно механизмом «нащупывания» институциональных инноваций, дубликатом господствующих институтов и механизмом «отбраковки» старых институтов (их утилизации). В каждой из этих ипостасей теневая экономика выполняет в отношении к легальной экономике как конструктивные, так и деструктивные функции [21, с. 13–14]. В монографии «Экономика вне закона» Ю. В. Латов рассматривает институциональную природу организованной преступности [20, с. 38–42]. Институциональный подход применялся в весьма дискуссионных работах И. М. Клямкина и Л. М. Тимофеева [22].

Особое место в становлении институционального подхода в исследовании преступности принадлежит трудам А. Н. Олейника — экономиста и социолога, который исследовал тюремную субкультуру и ее влияние на постсоветское общество. А. Н. Олейник обращает внимание на то, что институциональная теория, возникшая на стыке экономики, социологии, права и истории, ориентирована на изучение формальных и неформальных норм, структурирующих взаимодействия между индивидами в разных сферах повседневной активности. Согласно его подходу, специфика национальной культуры производна от следующих элементов институциональной структуры общества: от характера властных отношений и норм, регулирующих рутинные социальные практики, от конфигурации сфер повседневной деятельности, от процедуры разрешения конфликтов и регулирования насилия. Интерес к нормам, особенно неформальным, в сочетании со строгим экономическим анализом делает такой подход исключительно ценным [17]. Институтом А. Н. Олейник считает совокупность норм и поведенческих образцов, которые спонтанно воспроизводятся членами социальной группы и которые таким образом приобретают стабильный характер вне всякой связи с юридическими обязанностями, сформулированными эксплицитным образом [23]. Основная функция институтов, согласно концепции А. Н. Олейника, заключается в координации действий свободных и не подчиненных никакой абсолютной власти людей. Более того, люди заинтересованы в том, чтобы самим создавать институты в тех случаях, когда последние по тем или иным причинам отсутствуют. «Многие эксперименты показывают, что индивиды, изолированные от влияния привычной институциональной среды, начинают конструировать свою собственную институциональную среду. Акцент на координации особенно характерен для теории соглашений — направления в институциональной теории, возникшего во Франции во второй половине 80-х годов... Подчинение нормам превращается парадоксальным образом в важное условие свободы действий» [24, с. 10].

Серьезным вкладом в развитие институционального подхода к изучению преступности стала защищенная в 2002 г. Н. Б. Бараевой диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Организованная преступность как социальный институт» [24, с. 12].

Можно сделать вывод, что обращение к институциональной теории в изучении преступности вполне закономерно и обусловлено сложившейся социальной реальностью. К сожалению, институциональная методология относительно мало востребована в современных криминологических исследованиях в Украине. Трудно не согласиться с В. В. Колесниковым в том, что в «постсоветских государствах юридическая наука пока стоит лишь на подступах к осознанию степени важности применения институционального подхода к анализу правовых явлений и поэтому она еще крайне слабо интернализирует (усваивает) и применяет институциональные постулаты» [25].

Формирование теоретических основ криминологического институционализма. Рассматривая преступность сквозь призму экономического, социологического, политологического институционализма, ученые формируют различающиеся между собой (иногда — весьма существенно) научные направления. Рассмотрим некоторые из них.

В 60-х гг. прошлого века в русле экономического неoinституционализма была обоснована научная концепция, получившая название «экономика преступлений и наказаний». Одним из основоположников экономического анализа преступности с полным основанием можно считать американского экономиста-криминолога Т. Шеллинга, который в 1967 г. писал, что «многие принципы изучения экономики и бизнеса... официального мира (upperworld) могут быть пригодны с соответствующей модификацией... и для изучения преступного мира (underworld) [26, p. 114].

Концептуализацию «экономики преступлений и наказаний» как направления неoinституциональных исследований традиционно связывают с выходом в свет в 1968 г. статьи «Преступление и наказание: экономический подход» американского экономиста Г. С. Беккера [27]. В своем анализе он исходил из того, что преступники — не психопатологические типы и не жертвы социального угнетения, а рациональные агенты, предсказуемым образом реагирующие на имеющиеся возможности и ограничения. Выбор преступной профессии следует понимать как нормальное инвестиционное решение в условиях риска и неопределенности. Отсюда вытекает, что уровень преступности должен зависеть от соотношения сопряженных с нею выгод и издержек (как денежных, так и неденежных). Он будет определяться разностью доходов от легальной и нелегальной деятельности, вероятностью поимки и осуждения, тяжестью наказания и т.д. В 1992 г. Г. С. Беккер был удостоен Нобелевской премии по экономике за «распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». «Модель рационального выбора

обеспечивает наиболее перспективную основу, имеющуюся в нашем распоряжении, для унифицированного подхода представителей общественных наук к изучению социального мира», — заявил Г. Беккер в своей нобелевской лекции [28].

Экономическая концепция преступности предполагает изучение влияния на уровень преступности не только правовых, но и иных институтов. Как подчеркивал Г. Беккер, более основательным способом сдерживания преступности, нежели ассигнования на полицию и тюрьмы, является увеличение затрат на улучшение возможностей легальной занятости для подростков, бедных и других социальных групп, наиболее склонных к совершению преступлений. Это предполагает, в частности, повышение качества школьного обучения, уменьшение безработицы, политику укрепления семьи. Таким образом, по мнению Г. Беккера, преступность во многом зависит от общественной политики — политики не только в правоохранительной сфере, но и в области образования и многих иных сфер жизни общества. Совершенствование этой политики может оказать существенное воздействие на преступность [29].

Дж. Бьюкенен вывел формулу, в соответствии с которой для обеспечения воспроизводства такого общественного блага, как законопослушание, должно быть произведено такое общественное «антиблаго», как наказание [30]. Дж. Бьюкенен исходил из того, что «институциональные структуры следует изменять, используя их как инструмент для достижения социальных целей, в данном случае для сокращения уровня преступности одновременно со снижением затрат на правоохранительную деятельность» [31, р. 407].

Со временем институционализм как экономическая концепция активно проникает в криминологическую науку, позволяет найти интересные ракурсы исследования преступности и получить ценные результаты [32]. Вместе с тем очевидно, что одномерный подход к преступности с позиции экономического институционализма далеко не исчерпывает все возможности этой междисциплинарной методологической теории.

В 90-х гг. прошлого века в США сформировались институциональные теории преступности, базирующиеся на социологическом институционализме и ставшие значительным шагом вперед по направлению к формированию собственно криминологического институционализма. В 2006 г. под редакций Р. Розенфельда была опубликована фундаментальная монография «Преступность и социальные институты» [33] (среди ее авторов — известные ученые Г. Бернберг, Б. Симс, Э. Керри, Ф. Т. Каллен, Ю. Саволайнен, Т. В. Годсей, Дж. Б. Каллен).

Широко распространена в США теория институциональной легитимности. В книге «Теряя легитимность: уличная преступность и понижение социальных институтов в Америке», которую написал руководитель Национального консорциума по изучению терроризма и средств противодействия терроризму (START) профессор криминологии и уголовного судопроизводства Гэри Лаффри, рассматриваются традиционные теории

преступности и их способность объяснить изменения в уровне уличной преступности в США в послевоенный период. Три основных послевоенных временных этапа и тенденции преступности определены автором следующим образом: 1) ранний период (1946—1960) со стабильным низким уровнем преступности, 2) средний период (1961—1973), характеризующийся резким повышением уровня преступности и 3) поздний период (после 1973 г.) со стабильно высоким уровнем преступности. Исследовав уникальные данные, охватывающие более чем полувековой период, Г. Лаффри пришел к выводу, что социальные институты являются ключом для понимания периодически поднимающихся волн преступности в США. Преступность возрастала одновременно с наступлением политических кризисов и нестабильности, экономических стрессов и семейной дезинтеграции. Подобные изменения особенно касались расовых меньшинств. Американское общество реагировало на это инвестициями в уголовную юстицию, образование и институты социального обеспечения. По мнению Лаффри, стабилизация традиционных социальных институтов и влияние на них новой финансовой политики отразилось на некотором снижении уровня преступности в 90-х [34].

Г. Лаффри констатировал, что существующие криминологические теории не объясняют в полной мере эти тенденции, и высказал мнение, что биологические и психологические концепции преступности, основанные на медленно развивающихся биологических характеристиках или глубоких психологических особенностях личности, не в состоянии объяснить внезапный всплеск уличной преступности в столь непродолжительный промежуток времени (дважды в период с 1960 г. по 1970 г.).

Аномическая теория Мертона, по мнению Г. Лаффри, также не способна объяснить всплески преступности в определенное время, так как предполагает, что институциональная аномия — это постоянная и стабильная черта американского общества. Экономические теории представляются несостоятельными из-за необъяснимого парадокса «преступления посреди изобилия», характерного для всплесков преступности в периоды экономического роста. Культурологические теории девиантности также не могут дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему количество преступлений варьируется и почему время от времени повышался уровень преступности, особенно среди молодых афроамериканцев мужского пола, и потом стабилизировался, если предположить, что существует постоянный «низший класс» в обществе. Г. Лаффри пришел к выводу, что наиболее четкое теоретическое объяснение может дать концепция утраты институциональной легитимности. С его точки зрения, политические, экономические и семейные институты регулируют преступность путем уменьшения мотивации отдельных лиц и усиления формальных и неформальных социальных контрольных механизмов. Социальные изменения, которые привели к утрате доверия к политическим институтам, коллективные действия и протесты, экономическое неравенство и инфляция, экономические и идеологические проблемы

в американской семье являются серьезной угрозой для институциональной легитимности и, следовательно, могут объяснять изменения в уровне преступности на протяжении определенных периодов времени.

Г. Лаффри полагает, что три основных вида институтов ответственны за обеспечение стабильности в обществе — политические институты (принимая законы и осуществляя уголовное правосудие), экономические институты (давая людям возможность удовлетворять их материальные нужды) и, главным образом, семейные институты. Констатируя кризис легитимности во всех вышеуказанных институтах, Лаффри объясняет именно им всплеск преступности, отмечая, тем не менее, что изменения в одном спектре институтов неминуемо влечет за собой изменения в других [35, р. 39–40].

Теория Лаффри воспринята многими учеными. Она была применена, в частности, для исследования внешних факторов, влияющих на природу убийств. Отмечается, что, по сравнению с социальными условиями в 1970-х и 1980-х гг., в настоящее время увеличилась опасность, исходящая от утраты легитимности семейных институтов (разводы, одиночное воспитание, повышенная трудовая занятость женщин) [36, р. 32–33].

Следует заметить, что ещё в 80-е годы прошлого века, анализируя «функциональную роль преступности» А. М. Яковлев писал: «Неудовлетворенная социальная потребность (как результат дисфункции социального института) может вызвать к жизни стихийное появление нормативно неурегулированных видов деятельности, стремящихся восполнить дисфункцию законных институтов, однако за счет нарушения существующих норм и правил (в том числе правового характера). В своих крайних проявлениях подобного рода активность может выражаться в противоправной деятельности, совершении преступлений. Так, дисфункции политических социальных институтов определяют картину политической преступности, дисфункции экономических социальных институтов могут оказать влияние на возникновение преступлений в сфере экономики. Преступность, возникающая в связи с дисфункцией социальных институтов, носит, по преимуществу, инструментальный, структурированный характер» [36, р. 58–59].

Теория легитимности, предложенная американским профессором Т. Тайлером в развитие концепции Г. Лаффри, предполагает, что восприятие легитимности играет главную роль в убеждении добровольно соблюдать нормы права. Люди следуют нормам права потому, что считают это легитимным, а не потому, что боятся наказания. Творцы права и его исполнители достигали гораздо большего при создании правовых систем, заслуживающих уважения, чем при усилении санкций. Т. Тайлер считает, что люди исполняют положения закона потому, что они верят в легитимность соответствующей власти [37].

Относительно институциональной легитимности Б. Харкорт пишет, что люди реагируют на справедливость институтов и процедур: поведение отдельного лица отражает, как каждый человек воспринимает ин-

ституты социального контроля. Когда такие институты и процедуры считаются справедливыми, люди более вероятно будут исполнять правила, ими предусмотренные [38, р. 205—206].

Важные аспекты легитимности и ее влияния на уровень преступности проанализировал Б. Каперс. Он пришел к выводу, что контроль над исполнением полицией своих функций, в частности, привлечение к ответственности работников правоохранительных органов, совершивших правонарушения, может повлиять на снижение уровня преступности. Исследуя восприятие тех, кто испытывал дискриминацию (с акцентом на меньшинства и другие незащищенные группы), Б. Каперс объясняет, как действия полиции, которые воспринимаются как злоупотребление властью, влияют на снижение легитимности этого социального института [39].

Б. Форт указывает на то, что преступность сигнализирует об ослабшей легитимности государственных норм — об утрате чувства долга и законности, неспособности соотнести общественную мораль и личные интересы. Интересно, что, как отмечает Б. Форт применительно к ситуации в США, это не относится к утрате важнейших ценностей общества. В основном, преступления совершаются для того, чтобы добиться материального успеха или избежать финансовых проблем, преследуя цель не быть бедным — цель всего американского общества. Преступники достигают ее официально запрещенным, но широко используемым способом. Легитимность формальных правовых норм поведения ослабляется именно потому, что они препятствуют достижению цели «не быть бедным». Такое восприятие, безусловно, ослабляет сдерживающий эффект увеличения санкций [40]. В подобной интерпретации теория институциональной легитимности, в целом, не противоречит теории институциональной аномии, но затрагивает иной пласт существования и функционирования социальных институтов.

Криминологический институционализм, таким образом, формируется как методологическая концепция, а институциональные теории, касающиеся преступности, неизбежно отражают не только общие закономерности, но специфику места и времени социального бытия, наполняясь самым разнообразным содержанием. Слепое заимствование концепций, адаптированных к условиям разных стран и времен, безусловно, контрпродуктивно, однако освоение методологического подхода способно дать ценный инструментарий для научного поиска и важных практических решений в противостоянии с преступностью. Особенно важно это в условиях постсоветских стран, которые, по исторически меркам, за один миг оказались на «руинах» не только своего социального строя, но многих научных, в том числе криминологических догматов.

Выводы. Консолидация криминального мира и расширение сферы влияния преступности, её институционализация требуют адекватного реагирования. Криминальная ситуация в экономике, и других социальных сферах выдвигает перед криминологической наукой ответные

задачи по институционализации отдельных криминологических теорий. В настоящее время активно разрабатываются такие направления, как политическая криминология (Д. А. Шестаков, П. А. Кабанов, Н. А. Зелинская), экономическая криминология (В. В. Колесников, В. М. Попович, Е. Л. Стрельцов), криминология закона, семейная криминология, (Д. А. Шестаков), криминология средств массовой информации (Г. Н. Горшенков), криминология (О. В. Старков), криминология (О. В. Старков, Л. Д. Башкатов, Г. Л. Касторский) и другие научные подотрасли криминологии. По существу, речь идёт о становлении криминологического институционализма. Не все ученые разделяют подобное «дробление» предмета криминологии. На наш взгляд, никакого дробления, «размывания» предмета криминологии не происходит. Поскольку в основе данного научного подхода лежит осознание того, что происходит фрагментация и институционализация криминального социума, адекватным ответом будет обоснование соответствующих криминологических теорий, отражающих специфику институционализированных форм преступности. Общеизвестно, что институционализация научных знаний является естественной формой существования и развития науки в целом.

Теоретической основой разработки криминологического институционализма может стать институциональная криминология как самостоятельная концепция. Предметом институциональной криминологии являются институционализированные формы преступности и социальная среда, её формирующая. Объектом криминологических исследований в рамках институциональной криминологии должны стать криминальные практики, составляющие ядро современной преступности, обеспечивающие сохранение и расширенное воспроизводство преступности, разрушающие социум «изнутри», приводящие к утрате легитимности ранее устойчивых социальных институтов.

Институциональная криминология позволит применить иную методологию криминологического изучения общества и преступности по сравнению с нынешним подходом, в основе которого лежит изучение «корыстной преступности», «должностной», «рецидивной» и т.д. и для которого не принципиально, в какой социальной сфере совершается то или иное однотипное преступление.

Институциональная криминология объективно предполагает развитие другого нового направления — институциональной профилактики преступности. Институциональная профилактика преступности должна базироваться на концепции изменения деятельности человека в тех или иных социальных условиях путём изменения мотивации его поведения. Институциональная концепция сдерживания преступности предполагает анализ общества как системы социальных институтов, с которыми люди себя отождествляют и в рамках которых осуществляют различные виды социально значимой деятельности в целях удовлетворения своих потребностей.

Разработка механизма вытеснения криминальных практик посредством стимулирования социально-позитивной деятельности в рамках тех или иных институтов является наиболее перспективным направлением институциональной профилактики преступлений. Преступная деятельность, криминальные практики должны стать невыгодным экономическим предприятием.

Л и т е р а т у р а

1. Дрёмин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества / В. Н. Дрёмин. — О. : Юрид. л-ра, 2009. — 616 с. ; Tuomela R. Collective Acceptance, Social Institutions, and Social Reality / R. Tuomela // American Journal of Economics and Sociology. — 2003. — Vol. 62, N 1. — P. 123–165.
2. Заславская Т. И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5. — С. 7.
3. Титова Н. Е. История экономических учений : курс лекций / Н. Е. Титова. — М. : Изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 257 с.
4. Кох И. А. Институциональность социального управления / И. А. Кох // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 37. — С. 167–175 ; Заславская Т. И. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Мир России. — 2002. — Т. 11, № 2. — С. 3–38 ; Митракова Е. Н. Институционализация неформальных политико-правовых практик в современной России как угроза национальной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Митракова. — Ростов н/Д, 2005. — С. 151 ; Заславская Т. И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 3–17.
5. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / А. М. Яковлев ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1985. — 247 с.
6. Яковлев А. М. Социология экономической преступности / А. М. Яковлев ; под ред. В. Н. Кудрявцева ; Ин-т государства и права АН СССР. — М. : Наука, 1988. — 256 с.
7. Яковлев А. М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории / А. М. Яковлев. — М. : Содействие новый век, 2001. — 239 с.
8. Попович В. М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки : монографія / В. М. Попович. — Ірпінь : Акад. держ. податкової служби України, 2001.
9. Гриценко С. А. Экономические преступления как институциональные девиации [Электронный ресурс] / С. А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ. — [Серия: экономическая ; вып. 31–3]. — Режим доступа : <http://www.donntu.edu.ua> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы».
10. Рущенко І. П. Соціологія злочинності : монографія / І. П. Рущенко. — Х. : Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2001. — 370 с.
11. Туляков В. А. Криминология современности / В. А. Туляков // Криминология в Україні та протидія злочинності : [зб. наук. ст. / за ред. М. П. Орзіха, В. М. Дрьоміна]. — О. : Фенікс, 2008. — С. 71–79.
12. Джужа О. М. Теоретичні проблеми сучасного погляду на розвиток криминології / О. М. Джужа, В. В. Василевич, А. В. Кирилюк // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). — 2002. — № 6.
13. Дрёмин В. Н. Социальная стратификация и преступность (к вопросу о криминализации общества) / В. Н. Дрёмин // Проблемы политики. — 2000. — № 8. — С. 299–305 ; Дрёмин В. Н. Преступность и её организованные формы как социальная прак-

- тика / В. Н. Дремін // Информационное обеспечение противодействия организованной преступности: сб. науч. ст. / под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дрёмина. — О. : Феникс, 2003. — С. 12–25; Dryomin V. Organized Crime and Corruption in Ukraine as a System Phenomenon / V. Dryomin // Organized Crime, Trafficking, Drugs. — Helsinki : HEUNI, 2004. — P. 49–60; Дрёмин В. Н. Институционализация преступности и институциональная криминология: концептуальные подходы / В. Н. Дремін // Сучасна криминологія та проблеми протидії злочинності / под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дрёмина. — О. : Феникс, 2008. — С. 54–70; Дрёмин В. Н. Правопорядок и преступность: механизмы институциональной взаимодетерминации / В. Н. Дремін // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний та міжнародний виміри: тези Міжнар. наук.-практ. конф. / за заг. ред. Ю. М. Оборотова. — О. : Фенікс, 2008. — С. 192–195, и другие.
14. Zuckerman E. Peer Capitalism: Parallel Relationships in the U.S. Economy / E. Zuckerman, S. V. Sgourev // American Journal of Sociology. — 2006. — Vol. 111, N 5. — P. 1327–1367; Verhoef G. Informal Financial Service Institutions for Survival: African Women and Stokvels in Urban South Africa, 1930–1998 / G. Verhoef // Enterprise and Society. — 2001. — Vol. 2, N 2. — P. 259–296; Олейник А. Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» / А. Н. Олейник // Политические исследования. — 2001. — № 2. — С. 40–51; Косалс Л. Я. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России / Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина // Социологические исследования. — 2002. — № 4. — С. 13–21; Волков В. В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур / В. В. Волков // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. 2, № 3. — С. 78–86; Латов Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов) / Ю. Латов // Вопросы экономики. — 1999. — № 10. — С. 60–75; Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система / Р. Рывкина // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 4. — С. 44–51; Шабанова М. А. Институциональные изменения и неправовые практики / М. А. Шабанова // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : МВШСЭН, 2001. — С. 319–327; Заславская Т. И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5. — С. 5–24; Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров / В. Радаев // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4, № 1. — С. 5–24; Хохряков Г. Организованная преступность в России: 60-е — первая половина 90-х годов / Г. Хохряков // Общественные науки и современность. — 2000. — № 6. — С. 62–74; Клямкин И. Теневой образ жизни (Социологический автопортрет постсоветского общества) / И. Клямкин, Л. Тимофеев // Политические исследования. — 2000. — № 4. — С. 19–37; Козлов Ю. Теневая экономика и преступность / Ю. Козлов // Вопросы экономики. — 1990. — № 3. — С. 120–127.
 15. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 520 с.
 16. Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — СПб., 2002. — С. 30–39; Гилинский Я. И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. — 2-е изд. — СПб., 2007. — С. 191–199; Гилинский Я. И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии / Я. И. Гилинский // Российский ежегодник уголовного права. 2007. — СПб., 2008. — С. 382–389.
 17. Колесников В. В. Криминология и институциональный подход: методологические возможности нового инструментария [Электронный ресурс] / В. В. Колесников // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. — Режим доступа : <http://sartracc.sgarp.ru>.

18. Колесников В. В. Экономическое развитие общества и преступность / В. В. Колесников // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью : монография / науч. ред.: В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. — СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — С. 267–350.
19. Латов Ю. В. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты в гостях у криминологов») / Ю. В. Латов // Вопросы экономики. — 1999. — № 10. — С. 60–75 ; Латов Ю. В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей / Ю. В. Латов // Истоки. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000. — Вып. 4. — С. 228–270.
20. Латов Ю. В. Экономика вне закона : очерки по теории и истории теневой экономики / Ю. В. Латов. — М. : Моск. общ. науч. фонд, 2001. — 281 с.
21. Латов Ю. В. Социальные функции теневой экономики в институциональном развитии постсоветской России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Ю. В. Латов. — Тюмень, 2008.
22. Клямкин И. М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества / И. М. Клямкин, Л. М. Тимофеев. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. — 68 с. ; Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция / Л. М. Тимофеев. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. — 365 с. ; Тимофеев Л. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли / Л. М. Тимофеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Мед. пресса, 2001. — 96 с.
23. Олейник А. Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни российского простого человека / А. Н. Олейник // ПОЛИС: политические исследования. — 2001. — № 2. — С. 40–52.
24. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А. Н. Олейник. — М. : ИНФРА-М, 2001. — XIV, 418 с. — С. 10.
25. Бараева Н. Б. Организованная преступность как социальный институт : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Б. Бараева. — СПб., 2002.
26. Schelling T. C. Economic Analysis and Organized Crime / T. C. Schelling // U.S. The president's commission on law enforcement and administration of justice. Task force report: organized crime. Annotations and consultants paper. — Washington, 1967. — P. 114–126.
27. Becker G. S. Crime and punishment: an economic approach / G. S. Becker // Journal of Political Economy. — 1968. — Vol. 76, N 2. — P. 169–217.
28. Becker G. The Economic Way of Looking at Life / G. Becker. — Nobel Lecture, December 1992. — P. 27.
29. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход / Г. Беккер // Истоки. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000. — Вып. 4. — С. 28–90.
30. Бьюкенен Дж. М. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике» / Дж. М. Бьюкенен. — М., 1997. — Т. 1. — С. 380.
31. Buchanan J. M. A Defence of Organized Crime? / J. M. Buchanan // The Economics of Crime. — Cambr., Mass., 1980. — P. 395–410.
32. Энторф Х. Преступность с экономической точки зрения: факты, теория и статистика / Х. Энторф // Политэконом = Politeconom. — 1997. — № 1. — С. 56–63.
33. Crime and Social Institutions / ed. by Richard Rosenfeld. — Ashgate Publishing Co., 2006. — 549 p.
34. Lafree G. Losing Legitimacy: Street Crime and the Decline of Social Institutions in America / G. Lafree. — Westview Press, 1998. — 240 p.
35. Sacco V. When crime waves / V. Sacco. — SAGE Publications, 2005. — 210 p.
36. Miethe T. D. Rethinking homicide: exploring the structure and process underlying deadly situations / T. D. Miethe, W. C. Regoeczi, K. A. Drass. — Cambridge University Press, 2004. — 320 p.

37. Tyler T. R. Why People Obey the Law / *T. R. Tyler*. — Edit. 2. — Princeton University Press, 2006. — 299 p.
38. Bernard E. Harcourt. Language of the gun: youth, crime, and public policy / *Bernard E. Harcourt*. — University of Chicago Press, 2006. — 278 p.
39. Bernard E. Harcourt. Capers B. Crime, Legitimacy, and Testifying Paper presented at the annual meeting of the Law and Society Association / *Bernard E. Harcourt*. — 2007-07-25. — TBA, Berlin, Germany. — Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p177422_index.html
40. Forst B. The Socio-economics of Crime and Justice / *B. Forst*. — M.E. Sharpe, 1993. — P. 57–58.

А н н о т а ц и я

Дрёмин В. Н. Становление и развитие криминологического институционализма. — Статья.

В статье анализируется преступность с позиций институциональной методологии. Рассматривается формирование и развитие нового направления в криминологии, которое автор называет «криминологический институционализм». Обосновывается предмет институциональной криминологии.

Ключевые слова: преступность, социальные институты, институциональная криминология, криминологический институционализм.

А н о т а ц і я

Дрёмин В. М. Становлення та розвиток криминологічного інституціоналізму. — Стаття.

У статті аналізується злочинність з позицій інституціональної методології. Розглядається формування та розвиток нового напрямку в криминології, яке автор називає криминологічний інституціоналізм. Обґрунтовується предмет інституціональної криминології.

Ключові слова: злочинність, соціальні інститути, інституційна криминологія, криминологічний інституціоналізм.

S u m m a r y

Dryomin V. N. The formation and development of the criminological institutionalism. — Article.

The paper analyzes the crime from the standpoint of the institutional methodology. The formation and development of a new school in criminology is approached, which the author calls «criminological institutionalism». The subject of the institutional criminology is grounded.

Keywords: crime, social institutions, institutional criminology, criminological institutionalism.